

Author: E. Yerokhovets

Title: Expression of consent for the most-mortem organs removal for the purpose of transplantation by the donor and other persons: problematic aspects

Выражение согласия донором и иными лицами на забор органов для трансплантации после смерти: проблемные аспекты

Ероховец Е.Е.

Вопрос трансплантации органов и тканей умершего человека (донора) является актуальным не только для Беларуси. Одной из проблем, касающихся проведения трансплантации, является наличие согласия умершего донора на забор его органов для замещения отсутствующих или поврежденных органов реципиента.

Несмотря на то, что большинство государств законодательно сформулировало условия проведения трансплантации и порядок получения согласия донора, данный вопрос все равно остается не до конца разрешенным, так как проблема является не только юридической. Вопрос трансплантации органов умершего человека затрагивает также и моральный аспект. Более того, проблема возникает и для самих врачей: ведь трансплантация органов умершего человека должна быть проведена в кратчайшие сроки. Для этого специалисты должны соблюсти все законодательно установленные условия.

В Законе Республики Беларусь от 4 марта 1997 года «О трансплантации органов и тканей человека» предусмотрена презумпция согласия умершего донора на забор его органов и тканей в целях трансплантации.

Возможность проведения трансплантации лишь в случаях, когда донор дал такое согласие еще при жизни, закреплена, например, в Федеральном законе Швейцарии «О трансплантации органов, тканей и клеток» от 8 октября 2004 года. Но из данного правила есть исключение: если донор при жизни не указал как на согласие, так и на отказ от изъятия его органов, соответствующие специалисты обращаются к близким родственникам умершего с тем, чтобы узнать, известно ли им о факте совершения умершим заявления о пожертвовании своих органов для трансплантации. Если они данной информацией не владеют, выявляется их мнение по поводу проведения трансплантации. Таким образом, законодатель создал процедуру, с помощью которой возможно различными путями прийти к тому, чтобы трансплантация всё-таки состоялась.

Кроме того, точная форма согласия близких родственников не установлена. Также формулировка о том, что «в своем решении близкие родственники должны учитывать предполагаемую волю умершего» является очень размытой. Такая неопределенность в законодательстве Швейцарии является существенным недостатком, т.к. может породить споры о нарушении прав человека при проведении трансплантации.

Более удачным, на наш взгляд, представляется подход, отраженный в белорусском законодательстве. Однако и здесь присутствует некоторая

неопределенность: в частности, часть вторая статьи 11 Закона Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека» устанавливает, что забор органов у умершего донора не допускается, если уполномоченными на то должностными лицами до момента забора органов представлено заявление о несогласии на забор органов для трансплантации, написанное супругом (супругой), а при его (ее) отсутствии – одним из близких родственников или законным представителем умершего донора.

Следовательно, если при жизни человек осознанно не писал заявление об отказе от забора его органов для трансплантации, написанное родственником заявление имеет приоритетное значение. Поэтому следовало бы отметить норму швейцарского законодательства, которую, как мы полагаем, следует внести и в Закон Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека»: воля умершего имеет приоритет над волей близких родственников (статья 8 Федерального закона «О трансплантации органов, тканей и клеток»).

Но в таком случае возникает иная проблема: как определить, осознанно ли донор при жизни не заявлял отказ от забора органов для трансплантации? Для ее решения, полагаем, следует предусмотреть возможность выразить не только несогласие, но и согласие на забор органов после смерти в целях трансплантации. Это позволило бы избежать неоднозначных ситуаций уже после смерти донора, когда вопрос о проведении трансплантации должен быть решен очень оперативно.

Более того, сама процедура подачи заявления может быть упрощена. Так, вместо подачи заявления в государственную организацию здравоохранения по месту жительства (месту нахождения), иную государственную организацию здравоохранения, в которой пациенту оказывается медицинская помощь, врач мог бы предлагать пациенту сделать под роспись соответствующую отметку в своей медицинской карте, указав, например, «Согласен» или «Не согласен». Учитывая то, что к 2022 году планируется ввести электронную систему медицинских карт, производить такие отметки сможет врач, задав соответствующий вопрос пациенту, после чего сведения будут вноситься в Единый регистр трансплантации.

Также следует обратить внимание на то, что в Беларуси проблема состоит в отсутствии информации у граждан о возможности заявить о своем несогласии на забор органов для трансплантации после смерти. Решить данную проблему на данный момент возможно при помощи врачей, которые могут распространять данную информацию. Например, предложенная нами мера о получении врачом от пациента отметки о согласии или несогласии пациента на забор его органов для трансплантации после смерти также носит информационный характер.

Также решением проблемы того, кто должен выразить свое согласие на забор органов для трансплантации у умершего донора, является формирование однозначной позиции по данному вопросу в законодательстве. Сделать это возможно, учитывая основополагающие принципы биоэтики. В

частности, такие принципы закреплены в Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенции о правах человека и биомедицине (далее – Конвенция Овьедо).

Статья 2 Конвенции Овьедо закрепляет приоритет человека, что выражается в следующем: интересы и благо отдельного человека превалируют над интересами общества. Из этого положения можно сделать вывод об отсутствии необходимости в получении согласия близких родственников (применительно к Республике Беларусь, где закреплена презумпция согласия на забор органов для трансплантации после смерти), так как выражая своё несогласие, родственники донора в большей степени защищают свои права и интересы. Например, если отказ родственников от проведения трансплантации вызван их религиозными взглядами, они защищают свое право на свободное выражение мнения, свободу совести и вероисповедования, право на уважение своей частной жизни.

Таким образом, выбор стоит между защитой прав и законных интересов реципиента и близких родственников донора. Но, как мы полагаем, выбирать необходимо между интересами непосредственно донора и интересами реципиента. В таком случае выбор в пользу прав реципиента очевиден – ведь под вопросом стоит защита его права на жизнь.

Такая позиция обосновывается еще и тем, что статья 2 Конвенции Овьедо направлена на защиту интересов человека. Несмотря на то, что сама Конвенция Овьедо не дает определения слову «человек», считаем, что можно защищать интересы и благо только живого существа, т.е. термин «человек» в Конвенции Овьедо следует понимать как живое существо, обладающее даром мышления и речи. Следовательно, статья 2 Конвенции Овьедо после смерти донора направлена на защиту интересов и блага реципиента.

Таким образом, считаем, что в случаях, когда речь идет о полностью дееспособных донорах, которые при жизни могли понимать значение своих действий и руководить ими, согласие родственников на проведение трансплантации не требуется.

Учитывая то, что область трансплантологии в Беларуси развивается быстрыми темпами, количество подобных операций растет, уже сейчас необходимо создавать более полное правовое регулирование данной сферы с тем, чтобы не допускать нарушений прав человека и при необходимости обеспечить оперативное принятие решения о проведении трансплантации.